

Дневник невестки

Автор:

Соня Дивицкая

Дневник невестки

Соня Дивицкая

За чужими окнами

Невесток очень часто м-м-м... недолюбливают. Обычно неприязнь возникает еще до свадьбы. «А потому что влезла в нашу семью!» – такие начинаются упреки. И мы, невестки, виноваты в этом сами. Мы слишком торопимся замуж. Мы сами делаем себе предложение, будем честными, девушки, – в ЗАГС мы просто ломимся, как будто там медом намазано. А как иначе? Нас так воспитывали веками. Замужество для русской женщины является важнейшим этапом. И это правильно. Нас ведет по жизни инстинкт размножения, и нечего нам голову морочить своим гражданским браком. Мы только ради этого и родились, чтобы поселиться под одной крышей неизвестно с кем, гладить ему рубашки, рожать от него детей и между делом спорить со свекровью. Кто не согласен – разводитесь. Все остальные могут с удовольствием полистать эту веселую книжку о радостях семейной жизни.

Соня Дивицкая

Дневник невестки

© Дивицкая С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Предисловие

Дорогие читатели! Перед вами веселый путеводитель по лабиринтам семейной жизни. Универсальная книга для женщин. Если вы невестка или свекровь, девушка или дама со стажем – не сомневайтесь: вас заинтересуют репортажи из ЗАГСа, кухни, спальни и даже из роддома. Мой «Дневник невестки» – это веселые, но весьма правдивые картинки. Со статусами, постами и комментариями. Читайте – и пусть ваша семейная жизнь изменится к лучшему!

Соня Дивицкая

1. К маме – так к маме

Когда говорят «невестка» – сразу думают про свекровь. Говорят «свекровь» – и всегда вспоминают невестку.

А потому что связь между ними кровавая, как у жертвы с палачом.

Мы стоим на маленьком железнодорожном переезде, который, к сожалению, закрыт. Шлагбаум опустился у нас перед носом, но поездом еще и не пахнет. На этом переезде очень осторожная дежурная, она всегда закрывает заранее. Проходящую электричку только еще объявляют на главной станции, а эта уже выходит в своем оранжевом жилете и показывает красный значок. Ждать приходится минут по десять, а то и больше. Время тянется долго, и некоторые особо нервные разворачиваются и уезжают. Но я спокойна. Моя свекровь всегда мне говорит: «Деточка... Ты нервы-то не трать по пустякам, они тебе еще пригодятся». И я не трачу нервы. Я еду навестить свою любимую свекровь, и я совершенно спокойна.

На улице мороз, в машине очень жарко. За рулем сидит мой муж, он всегда врубает печку на полную. Я расстегнулась, скоро мне захочется разуться, но я терплю. Нет, я не буду спорить с мужем, не стану объяснять ему, что наш салон – не баня... Моя свекровь всегда мне говорит: «Дочка... Ты по мелочам-то не сильно распыляйся. Молчи, умнее будешь». И я молчу, не распыляюсь. Сняла ботинки, скинула пальто, стянула свитер. Все в порядке. Мы едем к «маме в законе», и я абсолютно спокойна.

На заднем сиденье дерутся наши дети, у нас как положено – мальчик и девочка. В багажнике собака. У нас всегда в багажнике собака – так повелось, потому что мой муж из семьи известных собачников. Мужа зовут Антон. Мой друг Зильберштейн – так я тоже его называю. А начала называть еще в школе, когда мы сидели за одной партой. В браке мы с детства, иногда мне кажется, что я уже родилась со штампом в паспорте. А временами мне хочется этот паспорт сжечь. Но я, конечно, не сжигаю, замуж я вышла удачно.

Меня все любят – и муж, и дети, и свекровь, сейчас вы сами сможете в этом убедиться, как только шлагбаум поднимут. Мы подъедем к белой даче, где обитает наша мама, и она обязательно выйдет навстречу с распростертыми объятиями. В спортивном жилете с голыми руками она шагнет на крыльцо, мороз для нее не проблема. Большая и теплая, она прижмет меня к груди. Припечатает крепко, руки у нее очень сильные. И скажет: «Молодец, что приехала... дочка». А потом мы начнем целоваться. Мы регулярно целуемся. Горячо и крепко. Как Брежнев и Эрих Хонеккер.

В чужой семье гражданство просто так не получить. Как только невестка появляется на пороге, тут же начинается игра в международную политику. Вас могут называть дочкой, не верьте – это пропаганда. Вы тоже можете назвать свекровь мамой, но статус ваш от этого не поменяется. Невестка – не дочка, мы – нацменьшинства в большой империи. Что делать? Размножайтесь, господа, размножайтесь... Наши дети за нас отомстят.

Не верите? Мои подружки тоже мне не верят. Я слышала, что кое-кто из них называет мать родного мужа гадюкой. Наверно, это недоразумение. Ведь если свекровь гадюка, логично предположить, что и сын у нее гаденыш. А если сын гаденыш, то почему он выбрал вас? Обычно мужчины ищут женщину, похожую на маму. Так что если невестка попала в змеиное логово, есть вероятность, что и

она тоже змея. Или кролик?.. Ох, господи, признаюсь честно, мне никогда не приходилось всерьез об этом думать. Змеи, кролики... Все это не про нас, я имею в виду себя и мою свекровь. Мы с мамой – две королевы, две вольные птички с широким размахом крыльев. Нам обеим нужен простор, поэтому мы никогда не жили под одной крышей. Не потому что нам противно присутствие друг друга, нет. Просто, вы знаете... Это не очень удобно – ставить два трона в одной кухне.

...Пошла десятая минута у шлагбаума. Загромыхал товарняк. Пыль снежная клубится под колесами. И тянутся, и тянутся вагоны... Ты-дым, ты-дым... Так медленно и долго. Кажется, что этот поезд никогда не кончится. И вот смотрю я на цистерны, читаю надпись «С горки не спускать»... И думаю: ну как же сильно этот грузовой состав напоминает тот самый список претензий, который выставляет свекровь невестке, а невестка свекрови... Ты-дым, ты-дым... Ты-дым, ты-дым... Этот список претензий такой же бесконечный и тяжелый и вечно громыхает, как старый товарняк. Что делать с этим списком? А ничего, можно просто спустить его с горки.

Претензии рождаются от неоправданных надежд. Я здесь, на переезде, об этом догадалась. Вот если бы я не ждала, что путь откроют специально к моему прибытию, сейчас бы и не поминала добрым словом осторожную дежурную. Она совсем не виновата в том, что я застряла у нее на переезде, и все равно мне хочется ее прирезать. А про невестку со свекровью вообще все непонятно. Что они могут ждать друг от друга? На что они вправе рассчитывать? Что конкретно они друг другу должны? Точно никто и не знает. Свекровь, невестка... Сегодня это просто устаревшие слова, достались нам откуда-то из патриархальных глубин, когда у этих слов был определенный смысл. Сейчас в семейных отношениях густой туман, поэтому и строго спрашивать не стоит. Ни с кого. А то вы знаете... Вот так нацепляете претензий – вагонами, цистернами – в один километровый поездок, а ваш локомотив возьмет да и не справится. Ха-ха!

Я вам все это говорю, не потому что я такая добрая, а потому что мы стоим на переезде уже пятнадцать минут. Грузовой прошел, а нам не открывают. Осторожная дежурная пропускает следующий поезд, и я ее за это ненавижу. Взяла бы и кинжалом исколола ее оранжевый жилет.

А муж мне говорит:

– Спокойно, мышь моя! Чего ты так вздыхаешь? Не хочешь к маме – поезжай, куда тебя там приглашали, давай развернемся...

Меня сегодня, кстати, приглашали на стриптиз. Когда-то в прошлой жизни я любила шумные гулянки... Эх... А вот сейчас моя подруга организовала вечеринку в клубе, но я, представьте, отказалась. «Извини, – да, так я и сказала. – Сегодня не могу. Свекровь ждет в гости». – «Ох, бедная! – подружка сразу начала меня жалеть. – Ну... К маме так к маме. Желаю счастья. Пух».

Вот это зря – жалеть меня не нужно, у нас с моей свекровью все душевно. Иначе я бы просто не поехала к ней в гости. Вы сами видите: стою на переезде, не ропщу, и мне не нужен никакой стриптиз с веселой пьяной дискотеккой, я еду к маме. Добровольно, меня никто не принуждал.

Чтобы встретиться со свекровью, я летела три часа самолетом и потом еще десять часов ехала поездом. Потому что от меня до моей свекрови – три тысячи километров. Да... Я живу за границей, и нас разделяют не только расстояние, но и таможня, визы, паспортный контроль... Завидуете? Подождите. Так было не всегда. В начале моей семейной жизни между нами была всего сотня верст, мы жили в разных городах, но очень близко. Сто километров – это смех, а не дистанция для молодой невестки с опытной свекровью. Тут есть что вспомнить, есть над чем поохотать...

Мы, кстати, все еще стоим на переезде. Пошла двадцатая минута. Мне хочется рвануть к дежурной и снять с нее оранжевый жилет. Но я спокойна, держу себя в руках, меня немножко даже осенило... Меня все время осеняет на этом переезде, так иногда полезно постоять, подумать. И вот возник вопрос: откуда оно вообще взялось это слово – «невестка»? Теперь я знаю. Невестка – это невесть что. Мы, невестки, – темные лошади, поэтому нас все и боятся. А «свекровь» что такое? «Све» – это не «свекла», это наш славянский древний корень, то же что и «все». «Всекровь». Значит, свекровь – это кровь, но не просто кровь, а с каждого по капле... Через соломинку.

Все, девушки, дошли мои молитвы. Я вижу огни пассажирского поезда. Надеюсь, осторожная дежурная нас не заставит больше ждать, и через пять минут я наконец-то расцелуюсь с нашей легендарной Розой Михалной.

– Дети! – говорю своим детям. – Готовьте камеры. Включите вспышки. Не пропустите волнующий момент!

Шлагбаум поднимают. Скорый поезд просвистел так быстро – я даже не успела пересчитать вагоны. Вот так и жизнь моя семейная промчалась. Пятнадцать лет! Ох, батюшки мои! А мне все кажется – вчера, вот только что вчера мы обвенчались в маленькой церквушке...

2. Приглашение на казнь

Свекровь – такое же стихийное явление природы, как повестка из военкомата.

Не спеши в добровольцы, она сама придет за тобой.

Моя свекровь, легендарная Роза Михална, явилась по мою душу первого августа 1997 года. Мы встретились в редакции нашей старой районной газеты. Я работала в этой редакции с детства и, получая в другом городе высшее образование, всегда приезжала сюда на летнюю практику, так что Роза знала, где меня найти.

Здесь, сразу после первого абзаца, прошу заметить, насколько логична была Роза Михална. Недаром в нашем городе все звали ее мудрейшей. «Ну, раз уж Роза наша, мудрейшая, отказалась платить в Фонд Мира, тогда и мы...» – так про нее говорили. Мудрейшая, легендарная – это были два ее основных титула. Завистники к ним добавляли «аферистка», «прохиндейка» и... И прочие глупости. Но это завистники.

В отличие от прочих Роза Михална понимала прекрасно: хорошие девочки всегда при деле. А значит, где можно встретить перспективную невестку? На работе! Элементарно, но мало кто из наших провинциальных клюшек до этого додумался.

Легендарная Роза вошла в редакцию, и деревянные полы старого особняка скрипнули под ее хрустальными башмачками. Меня она увидела сразу, дверь моего кабинета всегда была нараспашку. Теперь смотрите, девушки, как нужно позировать будущей свекрови.

Я сидела за компом и с умным видом печатала репортаж. О чем? Вы можете подумать, что не так уж важно, о чем был репортаж. Нет, нет, я уточню. Репортаж был о газификации нашего района, да. Я это сообщаю для того, чтобы вы поняли, в каких декорациях я выходила замуж. Тогда вам станет ясно, почему я это сделала так рано, как может показаться нам сейчас. На момент нашей встречи с мудрейшей Розой мне только что исполнилось двадцать.

Никакого газа у нас не было, наш маленький старинный городок топился печками.

Каждый год моя родная мама заказывала машину с углем и машину с дровами, а потом мы вдвоем, как две лошади, перетаскивали ведрушками тот уголек в сарай. И дровишки тоже частенько кололи сами в отличие от Розы Михалны, которая всегда умела запрягать каких-нибудь бесхозных алкоголиков.

«И наконец в наш город дотянули газ!» Я так и написала в репортаже. Это был прогресс не меньший, чем ленинская электрификация. Но, разумеется, пришлось терпеть и некоторый дискомфорт. Все улицы у нас были перерыты траншеями, в которые укладывали трубы. Полгода траншеи стояли открытыми, тротуары были засыпаны землей, песком и глиной. Весь город ходил в грязной обуви, все прыгали через траншеи, и об этом я, как всякий молодой противный журналист, не написать не могла. На столе у меня лежал диктофон, я включила свое интервью с начальником нашего местного Газпрома. «Люди падают в ямы! Когда это кончится?» На этот вопрос отвечал мне начальник. Роза Михална наострила уши, она узнала знакомый мужской голос.

Начальник был отцом моей подружки Вероники. В десятом классе Вероника на полном серьезе собиралась замуж за моего мужа. «Антон мне очень нравится, – рассуждала она, – только у него такая странная мама... Ты представляешь, она поставила в сервант свою фотографию, и на этой фотографии она совершенно голая!»

Подумаешь, какой кошмар! Совершенно голая мама! Я это фото видела... В серванте за стеклом. И ничего в нем странного не нашла. На этом фото Розе было всего лет тридцать, она там выходила из реки, стройная и крепкая. Водички было где-то по колено. Удачный снимок, тело молодое, и почему бы красоту не показать? «У нас есть новые фотографии», – улыбалась Роза Михална гостям и подводила их к серванту, наблюдая за степенью адекватности.

«Но как? Ведь сын все это видит! Антон видит голой свою маму!» – этого пугалась Вероника. И вы теперь понимаете, что у нее не было никаких шансов подружиться с легендарной Розой.

А я не собиралась замуж за друга Зильберштейна, мне было только двадцать, и я вовсю работала. Редактор говорил мне: «Деточка, ну что ты опять ко мне приехала? Зачем тебе работа? Какая еще практика? Для девочки самое главное удачно выйти замуж!» А я все равно работала, мне был не лишним даже самый скромный гонорар. «К началу отопительного сезона все будет в ажуре», – обещал начальник Газпрома, и я записывала.

Вот за этим занятием меня и застала Роза.

– Здра-а-а-авствуйте! – Я улыбнулась и задвинула пепельницу подальше за компьютер.

С тех пор как я и Антон окончили школу, мы с Розой Михалной не виделись. За два года я так ни разу и не зашла в зеленый домик на тихой улице у городского парка, где проживало семейство, и потому была очень рада этой встрече, неожиданной, как мне казалось.

Роза Михална окинула хозяйским взглядом мой письменный стол, заваленный бумагами. Хозяйским взглядом – именно так легендарная Роза глядит на этот мир. И всем вокруг сразу понятно – вот она, наша барыня.

Хорошая свекровь – как перчик, должна немножко обжигать, чтоб жизнь нам не казалась пресной. Хорошая свекровь – как водка, должна немножко быть противной, чтобы рядом с ней всем было весело, но не возникло желания задержаться. Хорошая свекровь – как примадонна: дала концерт – и дальше на гастроли. А впрочем, кем бы ни была хорошая свекровь – бабочкой, монстром, балериной... Не важно. Главное, хорошая свекровь – всегда счастливая женщина, у которой очень мало свободного времени.

Уборщица, которая мочила пол вонючей тряпкой на деревянной швабре, не посмела даже ей сказать: «Куда вы прете, женщина?» Да и вообще никто ни разу не посмел спросить у Розы: «А вы за кем тут занимали?» Она привыкла

проходить во все инстанции без очереди и без пропуска.

– Здравствуй, здравствуй, дорогая, – кивнула Роза и по своему обыкновению сразу приступила к делу. – Что-то ты давно к нам не заходишь?

– Так... – Я немного растерялась. – Ведь некогда...

Я вспомнила всех легкомысленных маньяков, с которыми училась на факультете журналистики, и с огорчением подумала: «Это все из-за них! Из-за этих пьяниц с гуманитарными наклонностями я забросила своего друга Зильберштейна». А ведь как часто среди гулянок я вспоминала и Антона, и зеленый домик, и старый сад. Я с жаром уверяла, что дружба между мальчиком и девочкой возможна и что у меня даже есть один друг, с которым можно без ломания и кокетства просто по-человечески поболтать и выпить чайку в старом саду, где гуляют большие пушистые ньюфаундленды. Никто не верил мне про дружбу девочки и мальчика. Все ржали надо мной и напивались в хлам, так сильно напивались, что не могли повторить по слогам простейшее слово – нью-фа-унд-ленд.

Однажды я захотела показать своего Зильберштейна новым друзьям и пригласила его к себе, на ужин в общагу. Антон немного опоздал, и петуха, которого я для него пожарила, сожрали эти вечно голодные маньяки. Оно и к лучшему, петух был старый, жесткий, как собака... Разумеется, все это с Розой я не обсуждала.

– Что не заходишь? – Она мне говорит.

А я ей отвечаю:

– Так... не приглашаете.

– Приглашаем, приглашаем, – пошевелила бровью донна Роза.

Она принесла в редакцию объявление о продаже машины. Я просмотрела текст: «ВАЗ 2107, 1989 г., цвет баклажановый» и прочее... И проводила ее в бухгалтерию. Там выписали счет и предложили доплатить за срочность, если нужно. Роза Михална улыбнулась своей известной дипломатической улыбкой...

Одними уголками Роза улыбается, сдержанно, как английская королева. За срочность она доплачивать не стала. Как оказалось позже, «семерка баклажан» была практически продана, покупатель нашелся и без нашей газетки.

– Ждем тебя, детка... – сказала Роза таким, как сейчас помню, коварным голоском и еще раз на всякий случай добавила: – Заходи обязательно. Мы приглашаем...

Здесь я хочу еще раз остановиться. Обратите внимание, донна Роза пригласила меня в гости три раза. Три. Это важно. Почему? Да потому что во владения будущей свекрови без приглашения лучше не являться. Я слышала, конечно, про другие варианты. Многим случалось прошмыгивать на чужую территорию втайне. Под сенью ночи обычно это делается, девушка быстро разувается в прихожей, хватает в зубы туфли и на цыпочках скользит в комнату к своему парню. И там старается тоже потише себя вести, чтобы мама ее не обнаружила. Но мама знает, мама всегда знает, кто ночует в комнате у сына. И если он вас не представил, как нормальную гостью, ваш рейтинг априори падает.

А некоторые сразу приезжают с чемоданом из Мичуринска или из Харькова, становятся к плите, жарят антрекот, налаживают маме запущенное хозяйство... Так тоже можно, но есть опасность, что вам предъявят обвинение в оккупации.

Сейчас я буду говорить не как невестка, а как будущая свекровь, поэтому не очень проникайтесь, но!.. Дом вашей свекрови – это ее королевство, не ваше. Вы еще пока не сколотили своего, а у нее уже есть, и она его защищает. Где надо и где не надо, но защищает. Это инстинкт, обычный животный инстинкт – охранять свою территорию. Не надо его активировать. А то потом начнутся вопли: «Она к нам вторглась!», «Она разрушила нашу семью!», «Зачем вообще ты к нам пришла? Кто тебя звал?»

Вот именно, кто нас всех звал? С этим нужно определиться, не важно, кто вас приглашает в гости, потенциальная свекровь, жених потенциальный, да пусть хоть тетка из Саратова, но однозначно вы должны быть желанной. Иначе ни к чему вообще все эти антрекоты.

Вспомните старый военный принцип: на территории врага сражаться труднее, поэтому не стоит штурмовать чужие «крепостя», найдутся люди добрые, откроют вам ворота. Конечно, счастья в любом случае ничто не гарантирует,

но... Дальше я пишу курсивом, так будет понятнее, что это умная мысль, которую можно запостить в сети:

Если вы пришли в дом свекрови незваной гостьей, вас могут посчитать оккупанткой. Дождитесь приглашения, и у вас появится шанс стать армией-освободительницей.

3. И пошла я в гости

Любая невестка лучше, чем ее отсутствие. Особенно на фоне гей-парадов.

В тот же день после работы я отправилась в зеленый домик на Пиккадилли-стрит, точнее на улицу Радищева. В нашем городе это одна из немногих улиц, где приятно пройти. Она примыкает к городскому парку, домики там стоят в окружении березок, кленов...

Иду, любуюсь, и даже открытые траншеи газопровода впечатление не портят. Цветочки растут в каждом палисаднике – и розы, и пионы, и появились кое-где альпийские лужки, не без влияния Розы Михалны. Соседки на нее смотрели и соображали: «Ну, раз уж мудрейшая Роза альпийский лужок посеяла, тогда и мы...»

И вот что интересно, на соседних улицах, к примеру на Заводской, ландшафтного дизайна не наблюдалось. И скамейки там никто не ставил, и даже, скажу вам честно, не подметал. Я шла и удивлялась: «Интересно, почему так?» Не знаю до сих пор, об этом думали у нас в России самые серьезные умы, и мне не стоит напрягаться, просто тогда, в двадцать лет, я была любопытной, к тому же работала корреспондентом и любила задавать вопросы. У меня было два любимых вопроса: почему и зачем.

Я подошла к зеленому домику и неожиданно у железной калитки почувствовала легкое волнение. А вдруг Антон совсем забыл, как мы встречали вместе Новый год и как я танцевала на рояле? Вдруг он уже не помнит, как читал мне Пушкина про изменницу-гречанку, прямо на уроке, у доски...

Я помню моления... текущую кровь...

Погибла гречанка, погибла любовь!

Он тогда терзался детской ревностью, потому что я закрутила роман... ну, там с одним ответственным работником, это сейчас не важно. Потом мы вместе хоронили мою собаку, моего щенка ньюфаундленда. Антон же мне его и подарил, а я недоглядела, и пес мой умер от энтерита. Антон знал заранее, что пес умрет, он мне открыл ветеринарный справочник и показал: «Смертность у щенков – восемьдесят процентов». Но все равно пошел мне помогать, я не умела ставить капельницы.

Никакой пионерской любви у нас не было, пионерская любовь у меня была с другими мальчишками, друг мой Зильберштейн знал их всех, кого вживую, кого заочно, поэтому-то мне и было странно – а что это я вдруг заволновалась?

Да просто у меня не все в порядке было с юбкой. Пуговица на поясе отлетела еще днем, а я не стала пришивать и застегнулась на булавку. И вот теперь у зеленого домика я вспомнила про эту жуткую цыганскую булавку и блузочку так выпустила, чтоб не видно было.

Я постучала в окошко. Обычно Антон всегда отодвигал занавеску и выходил открывать. Но в этот раз в окошко выглянула его младшая сестра. Она сказала, что Антон в вольере.

Собачьи вольеры располагались в глубине сада, убирать и кормить собак – это была обязанность Антона. Я это знала и поэтому решила, что он как раз и топчется по травке с совком и веником. Но оказалось – нет, он не работал, он лежал в одном из вольеров на деревянных нарах для собак.

Антон свернулся в позу эмбриона, носом к стенке, и не двигался. Мне показалось, что он спит. Я позвала его негромко:

– Антон, приве-е-ет!

Он встал с подстилки, повернулся. Глаза у него были красные, как будто он от души наревелся.

– Я в гости, – говорю ему.

А он открыл вольерную калитку и улыбнулся:

– Проходи.

Мы не виделись почти два года, за это время мой школьный друг Зильберштейн изменился. Элементарно вырос, как это бывает с юными мальчиками. Его лицо еще не потеряло детской нежности, но скулы, нос и подбородок получили новые четкие контуры. Непонятно, откуда появились плечи, и руки стали жесткими, и обнаружилось широкое запястье. Антон повис на верхней перекладине вольерной решетки, а его рубашка, летняя тонкая рубашка, просвечивала на солнце, и можно было спокойно разглядеть узкую талию, без всякого щенячьего жирка, и кубики... Кубики пресса! Ведь были же, были они у друга Зильберштейна, и я их засекла.

Короче, мальчик вырос. И тут такая я пришла – уставшая, непричесанная, с булавкой на пупке. А он ведь тоже меня рассматривал с ног до головы, спокойно, так же по-хозяйски, как его мама. Прищурил свои темные внимательные глазки и говорит:

– Тебе очень идет эта кофточка...

Тут Антон шевельнул носом и воображаемыми усами, как голодный кот. И вдруг ни с того ни с сего сделал из пальцев пистолет и выстрелил мне прямо в живот. Пух – и все, так и закончилась наша детская дружба. Его палец уперся мне точно в пупок, в то место, где была заколота булавка. Я даже рассмеялась от смущения. «Что творится! – думаю. – Что творится! Антон мне сделал пистолетик!»

В соседнем вольере вилял хвостом огромный черный кобель. Я протянула руку через прутья, и он мне подал свою тяжеленькую лапочку.

– Как зовут? – спрашиваю.

– Кока.

– Кока! – Я опять засмеялась. – Такой лось и Кока?

С другой стороны трое щенков тоже пришли поздороваться, они навалились пушистой кучей на решетку и совали носы в широкие дырки. А у меня опять под сердцем что-то дернулось, я вспомнила собаку, своего щенка, того, что мы давно похоронили.

– Наверно, мне больше никогда не захочется заводить ньюфа, – призналась я.

Антон погладил маленького по макушке и предложил:

– Давай чайку попьем.

– Чайку давай, конечно, – отвечаю. – Я вообще-то даже есть хочу... С работы только что...

А он мне говорит:

– Тогда, пожалуйста, сгоняй на кухню и принеси сюда две чашки. Там еще печенье у Розы Михалны есть... овсяное с миндалем.

– Ну, здра-а-асьте! – Я его не поняла. – Что теперь у нас, самообслуживание? Давай-ка ты сам сходишь на вашу кухню. Может, там у Розы Михалны и супчик какой найдется?

И тут Антон выдал:

– Нет, сам я не могу. В дом не пойду. Потому что теперь я живу в этом вольере.

Я быстренько сообразила, что начинаются какие-то выкрутасы, и даже не очень удивилась, потому что мой друг Зильберштейн всегда был немного загадочным. Только спросить его про новые фокусы я не успела, потому что услышала Розу, она кричала в сад из кухни:

– Ребята! Все в баню! Выезжаем через пять минут.

К нам прибежала младшая сестрица, Танечка. Она спросила Антона, поедет он в баню или нет. Он отрицательно покачал головой, но тут на садовой тропинке появился его отец. Мы поздоровались, любезный папочка мне улыбнулся, как добрый сказочник.

– Антон... – сказал он сыну. – Ты сегодня совсем не галантный. Девушка к тебе пришла, а ты ее в вольере держишь?

Антон ничего не ответил, тогда отец взмахнул рукой и дал команду:

– Бери ее с собой! Поедем париться!

Когда у парня появляется девушка, многие матери начинают нервничать. Им сразу хочется отвести невестку в глушь лесную и «оставить ее там, на съедение волкам». Нормальная реакция. Одна моя знакомая так и делала – выгоняла всех своих невесток. Она умело провоцировала кухонную войну и уверяла сына, что всем женщинам от него нужна только московская квартира. Первую невестку эта свекровь выгнала, когда мальчику было двадцать пять, вторую – в тридцать, а когда сыну исполнилось сорок пять, мама оглянулась в своей двушке – а выгонять ей было и некого.

Мы вышли из вольера. Друг мой Зильбер-штейн топал медленно, как арестованный, которого выпустили на свободу. Во дворе стояла Роза, с ней были две девушки, ее обычные фрейлины – из тех собачниц, что постоянно отирались в доме. И двое мужчин тоже вышли на построение. Я их не знала, наверняка это тоже были люди из королевской свиты – обычно у Розы на подворье кто-нибудь работал, ремонт и стройка тут не прекращались.

Антон подошел к матери, Роза Михална его обняла и погладила по плечу, таким своим особым жестом, настойчиво и ласково.

– Все, деточка, – сказала она. – Все будет хорошо.

– А у меня же нет ничего для бани! – спохватилась я. – Я же просто зашла, на чаек...

Все было у Розы Михалны, все она собрала мне в пакет, и полотенце нашла, и простынку, и тапочки.

Я поняла – в зеленом домике что-то произошло. Какой-то конфликт случился. Какой? А мало ли... В семье бывает всякое, когда мальчик подрастает. Если вашему сыну двадцать или около того, не рассказывайте мне про ваше абсолютное взаимопонимание. Молодой мужчина на пике гормональной активности – это напряг для мамы. Он нарывается на комплименты, сует свой нос, куда ему не следует. Тут как в вольере с молодыми кобелями – они все время задираются на старших, хотят показать свою силу. Это обычное дело в собачьей стае.

У Розы с сыном тоже иногда случались споры, и оба были так упрямы, что даже недлинная дорога в соседний город, километров пятьдесят в одной машине, давалась с трудом. Антон учился на экономическом и потому давал рекомендации родителям, как лучше строить семейный бизнес. У папы была маленькая оптовая база, он продавал собачий корм, и всю дорогу Антон капал на мозги отцу. Он говорил, что тот угробится, если все будет делать сам, уверял, что нужно нанимать людей – бухгалтера, шофера, менеджера... Родители над ним смеялись, отвечали, что платить всем этим людям нечем.

И Антон смеялся, дерзил любимой мамочке, напоминал, что она слишком много транжирит.

– Что значит – транжирит?! – Роза Михална терпеть не могла и сейчас не может, когда заглядывают к ней в кошелек.

К концу поездки машина дымилась, но Роза стойко переносила все это безобразие. Она же понимала, что через месяц каникулы закончатся, малыш уедет в университет...

Потому что недавно случилась неприятность, которая разволновала Антона так сильно, что он решил переселиться в собачий вольер.

4. Детские травмы

Невестка – это не проблема, это ресурс, который королева-мать может использовать на благо королевства.

Три дня Антон жил в вольере. В знак протеста. Он устроил эту акцию из-за собаки, сейчас я вам все быстро объясню.

Любимую собаку моего друга Зильберштейна родители продали, о чем он даже не подозревал. Это был не ньюфаундленд, а борзая, рыжая изящная сука по кличке Душка. Она оказалась в питомнике почти случайно, ее подарил Розе один из поклонников в надежде, что великая собакозаводчица когда-нибудь займется и русской породой. Розе было некогда, в то время ей хватало ньюфов, а борзым, как известно, нужен активный выгул, желательно в полях, и этим занялся Антон. Он полюбил рыжего щенка, Душка стала его личной собакой.

*Свекровь, которую недолюбили в детстве. Она хорошая, но жить с ней трудно. Одна моя знакомая была как раз такой. Она развелась с мужем, когда сыну было семь лет. С мужчинами не сложилось, зато сына она обожала, и он ее тоже. «Чмок-чмок-чмок... Мама, я не могу уснуть без тебя». «Смотрите все, какую сына мне коробочку слепил к Восьмому марта!»... Они любили друг друга страстно, и мальчик отбивал родную мать от легкомысленных поклонников. Потом он вырос, и появилась невестка. Сначала одна, потом вторая, потом третья... Мама тоже отбивала сына от любой девушки. Все ее спрашивали: «Ты что творишь? Он же у тебя сопьется без жены, мужику нужна ответственность, надзор и дети, жена нужна ему...» Но мама разбивала мальчику все браки, тем более что в двухкомнатной квартире это несложно. У недолюбленной свекрови родился внук. Она в глубине души обрадовалась. Но только в глубине, любить открыто она ребенка не смогла, тогда пришлось бы и невестку-стерву полюбить. И вот она тайком в детский сад пробиралась, чтобы посмотреть на внука одним глазком издали. История скучнейшая. Женщина не умеет любить и общаться. Такое случается.

Эта самая свекровь выросла без отца, и дефицит любви перерос у нее в такую гордыню, которая не позволяла просто так заткнуться или сделать вид... Короче, недолюбленные дочки становятся противными свекровями.

Но все равно бояться их не стоит, недолюбленной свекровью очень легко манипулировать. Она тщеславна и с радостью отдаст вам все за похвалу и знак

внимания. Главное, чтобы в невестки ей не попалась такая же недолюбленная дочка.

А вы попробуйте, сходите погулять с собачкой каждое утро за город! Антон это делал перед школой, когда мы все еще спали. Моя мама встречала его иногда на ранней заре, по пути на работу, и восхищалась: «Какой ответственный мальчик! Моя только встала, а этот уже с собакой – и в дождь, и в снег».

Антон готовил Душку к большой охоте, к каким-то там специальным испытаниям. Когда мы все уехали учиться в большие города, он стал тренировать ее по выходным. У него был план – на каникулах он едет с Душкой в ростовские поля. И вдруг Антон приезжает в зеленый домик и видит пустой вольер!

Собаку продали неожиданно. Какой-то охотник и как раз из Ростова заехал в гости, восхитился рыжей сукой, сказал, что хочет ее купить. Родители отдали. Нет, дело было не в деньгах, и мальчика, конечно, никто обижать не хотел. Так было лучше для собаки прежде всего. Это же борзая, не хомячок, ей нужно поле, свора, зайцы... Почему не спросили Антона? Так это ясно, он был бы против. В общем, приезжает друг мой Зильберштейн к родителям – собаки нет.

Он плакал, раньше он много плакал по детской привычке – моментально краснел, ложился в кровать, носом к стенке, сворачивался, как маленький, в комок. И так лежал.

Вот и узнав о Душке, он так улегся. Его утешали, ему объяснили: «Мы все понимаем, но, детка, это же не трагедия. Ты наведишь свою собаку летом, в августе. Ты точно так же поедешь на охоту и весь август будешь с ней...»

Это Антона успокоило. Тем более что лето приближалось, впереди была сессия, и он переключился на экзамены. Друг Зильберштейн был отличником, не то что я, все всегда сдавал на одни пятерки.

Увы, поохотиться с Душкой не получилось. Через пару месяцев от нового хозяина пришло известие, что собака умерла от разрыва сердца. Кто его знает, почему это произошло... Может быть, от тоски умерла эта рыжая сука. А может быть, охотник загнал ее в поле или просто сердце слабое оказалось...

Когда Антон узнал, его снова накрыло, и все, что не сказал родителям, когда продали Душку, ему сказать захотелось. Но он, конечно, промолчал.

Нас всегда учили держать себя в рамках – и меня, и Антона, и всех вообще кругом. Может быть, поэтому из нас и выросли такие бревна. Мы не показываем отрицательных эмоций, но с положительными тоже у нас не очень. Поэтому мы ищем успокоения в каких-то странных источниках. Мой муж все время жрет, я уже боюсь садиться с ним вместе за стол, он пылесосит все, и с моей тарелки тоже. «Да что ж я делаю!» – говорит он, но все равно все считает. А я пишу какие-то бытовые записки, и у меня болят спина, шея и задница из-за того, что я сижу все время за компом. Но я пишу. А муж жрет. Так мы лечим свои детские травмы...

Так вот, после известия о смерти собаки Антон сбежал в вольер и лег на Душкину лежанку. Роза Михална прошла к нему через сад, облокотилась на решетку и позвала на ужин. А он ей отвечает:

– Не пойду.

– Почему? Объясни, если не сложно.

*Свекровь-маньячка – типаж распространенный. Их полно, и никто не догадывается, что они извращенки. Знала я одну свекровь, которая без сына не могла прожить ни дня. Она его постоянно просила о помощи: «Съезди с мамой в магазин, помоги с ремонтом, почини машину, приезжай обедать, не могу открыть замок, у меня завис компьютер...» Маньячки знают кучу способов, как удержать сына. Чаще всего эти женщины не замужем. Они ревнуют сыновей к невесткам, у них любая будет недостойной дурой. Сын – их единственный мужчина. Но не настолько они великодушны, чтобы жить материнской любовью, им непременно нужно у своего ребенка вырвать дозу мужского внимания. И ни одна никогда не признается в этом, ни одна.

Подруг своих великодушных я не понимаю. Зачем они терпят свекровь-извращенку? Как можно тратить единственную жизнь на чужие сексуальные игрушки? Ведь это секс! Вся беготня вокруг сыночка – это обычный сублимированный инцест, в котором свекровь-маньячка ни за что не признается, но именно такая мать заглядывает в комнату молодоженов без стука. Ей надо

сунуть нос к сыночку в плавки, обязательно. И что получается? Мама трансформирует свою сексуальность в материнскую заботу, невестка от безысходности сублимирует в скандалах с мамой, а сынок очень часто в таких семейках просто не тянет. В итоге по накалу страстей отношения невестки со свекровью превосходят отношения той же невестки с ее собственным мужем.

Увы, это не лечится. Поэтому если ваша свекровь завизжала – просто отойдите подальше. Не мешайте маме наслаждаться. Пусть отрывается, как может.

И тогда Антон заявил:

– Потому что своих собак вы любите больше, чем детей. Раз так, я буду жить в вольере, как собака.

Роза ничуть не удивилась. Ей уже приходилось слышать фразочку, что собак она любит больше детей, от своей же свекрови.

– Мы тебя лю-ю-ю-бим. – Она улыбнулась. – Сыно-о-ок, выходи.

Антон не ответил, даже не повернулся. И что? Что делать маме в такой ситуации? Моя бы стала штурмовать вольер, моя могла бы перегрызть решетку... Другое дело Роза. Роза Михална нюни разводить не стала, вздохнула только:

– Как знаешь, детка, как знаешь... Ты уже мальчик большой.

Волноваться было не о чем: ребенок дома, на глазах, живой-здоровый. Он продолжает убирать вольеры, кормить собак. И сам не голодает – вон какие в саду растут чудесные большие груши!

Дни стояли теплые, ночи тоже, Антон спокойно спал на воздухе, завернувшись в старый туристический спальник. И ему действительно никого не хотелось видеть и не хотелось никому показывать свои зареванные красные глаза.

А как же было не поплакать? Мы все рыдали по своим собакам, до самых свадеб, до рождения собственных детей. Мы все заводили щенков приблизительно в одно время, лет в пятнадцать-шестнадцать. У меня появился ньюф, у Антона борзая, у Вероники ротвейлер (он ей вполне подходил). И мы носились со

щенками как ненормальные, потому что собака была единственным источником нашего чувственного самовыражения.

Тут все понятно – возраст. Мы выросли, родители нас перестали брать на ручки, мы оказались в холоде, а тут вдруг теплая собачья шерсть... Кого обнять? Собаку. Кого погладить? Песика, кого ж еще! Собаки на нас не орали, всегда нам радовались... В общем, это была компенсация любви. Нам хотелось, чтобы кто-то полюбил нас точно так же, как собака – без вопросов и навсегда. А пока желающих не было, мы принимали своих щенков слишком близко к сердцу, и когда они у нас умирали, мы оплакивали их как людей.

Это был стресс. Меня отпаивали валерьянкой. Веронике купили путевку на море, чтобы она развеялась. Антон страдал один в вольере.

– И как ты успокоился? – Это я уже потом, спустя много лет, у него выясняла. – Скажи мне, что ты чувствовал тогда?

– Я ничего не чувствовал. – Он мне ответил. – Я это пережил.

Я знаю, как он все переживает. Технология проста. В его сознании есть железный ящик, он замыкает туда все черные эпизоды. Закрывает все плохое на кодовый замок, а шифры... шифры он умеет забывать, он совершенно их не помнит. В отличие от меня Антон никогда не ковыряется в своем черном архиве. В тот день, когда я прискакала к нему как нянечка к барчонку, он вышел из вольера – и больше никогда ни слова не говорил своим родителям про эту рыжую собаку.

История у нас не про собачку. Вздохните и расслабьтесь. Хочу вам кое-что сообщить в связи со всем вышеизложенным. В отличие от донны Розы все другие матери парней, с которыми я в юности крутила шуры-муры, меня боялись. Почему? Ведь я не состояла на учете в детской комнате милиции, не ширялась, не занималась проституцией, не валялась пьяная по кустам... Чем я пугала бедных женщин? А ничем. Они боялись своих же собственных фантомов. Каждая из них видела во мне монстра, который хочет забрать у нее детеныша и заодно прихапать жалкое семейное барахлишко.

Что защищали эти клуши? Какие сокровища? Ни одна из них не была английской королевой. Никто из них не обладал ни титулом, ни фамильным замком, ни

виноградниками... Но все боялись страшную меня, в то время как бояться нужно было мне.

Боялась первая. Мне было-то всего пятнадцать, и я была невинна, как слеза, но мама моего парня, уважаемый работник торговли, боялась, что я заберу у нее единственного сына и ничего не оставлю взамен. Тут все понятно – работник торговли, она привыкла совершать обмен, деньги – товар – деньги.

Вторая мама тоже меня боялась. Не видела ни разу, но боялась. А мало ли... вдруг я плохая? К тому же у него таких, как я, бесспорно, будет еще сто.

Третья мама выскочила замуж в восемнадцать – и теперь панически боялась, что ее сыночка захомутает такая же проворная девчонка. Но тут уж не бояться надо – радоваться.

Четвертая... Она была уверена, что сын попал в религиозную секту. Я так его уматывала, что у него не оставалось сил на беседы с милой мамочкой. Она его о чем-то там расспрашивала, а он только молча кивал. Уж извините... Слабенький попался.

Всех этих мам объединяло одно – они вообще боялись девушек. Любая девушка сына была для них проблемой. Как, впрочем, и снег, и дождь, и жара. Никто из них не разглядел во мне источник неиссякаемого счастья, а я была прекрасна, я скромненько поблескивала в нашем тихом городишке, как серебряная подкова в придорожной пыли.

5. Маска

Пусть ваш язык изрекает только приятные слова, неприятное и без него будет сказано, это сделают ваши глаза.

В нашей чудесной семейке есть обычай – тащить всех в баню. Банька расслабляет, голенькие в парилке, мы все моментально становимся друзьями. В бане сближение происходит гораздо быстрее, чем в каком-нибудь ресторане или даже за семейным столом. Таким способом эти хитрые люди заманили и свою

первую сноху, и вторую, и меня, и зятя...

Раньше я никогда не предавалась этой русской забаве. Когда я легкомысленно согласилась попариться со всеми, мне даже в голову не приходило, куда все это заведет. Я все еще думала, что просто зашла на чаек к школьному другу, но мне уже пришлось раздеваться. Потом меня хлестали веником, толкали в ледяной бассейн. Любезный папочка и мужики из свиты легендарной Розы раскрыли варежки и любовались на мои шикарные рельефы. Они насмешливо поглядывали на Антона: «Детеныш, и куда тебе столько счастья в одни руки? Не донесешь ведь, надорвесси!» Антон не обращал внимания на их ехидные рожи. «Вы за меня не бойтесь, донесу», – примерно это говорил его прямой серьезный взгляд.

А я-то радовалась, как ребенок! Наконец за все лето в первый раз как следует отмылась. В нашем доме шел страшный ремонт, в связи с газификацией сломали печку. Известка, глина, сажа – все это не смывал убогий душ, и только после бани я себя почувствовала по-настоящему чистой. Поэтому и улыбалась, и блестела, как стерилизованная баночка.

Роза Михална выдала мне махровую простыню, и мы присели отдохнуть. Блаженствуя, я вытянула ножки. На работе мне приходилось целый день бегать – журналистов кормят ноги, молодых тем более. А маменька тем временем намазывала мордочку. И мне протянула свою банку с кремом. Я начала читать на этикетке: увлажняющая питательная маска...

– Что ты тут мне читаешь? – усмехнулась Роза. – Что ты глаза ломаешь? Бери – и на рожу намазывай.

Я на нее смотрела, как на бабу из журнала для продвинутых домохозяек. Юность моя проходила аскетично, я не привыкла баловать свою рожу и прочее. Моя мама всю жизнь была рабочей лошадью, и я росла в том мире, где женщины пахали на износ. Свой полтинник они обычно встречали в больничном халате, но при этом к таким, как моя свекровь, относились с презрением. «Холеная сучка», – так они про таких говорили. И вдруг мне тоже захотелось стать холеной сучкой. Я взяла банку с кофейнопитательной и увлажняющей маской и намазала на лицо.

– Ты мне очень нравишься, – сказала донна Роза. – Ты знаешь, деточка... С тобой хорошо. С тобой хорошо даже просто молчать. Я в своей жизни таких людей встречала... Но не много.

Купила, стервь, купила. Легендарная Роза всегда умела располагать к себе людей одним безумным комплиментом.

– Да просто на работе целый день... Три интервью... В редакции со всеми пару слов... – Я рассмеялась, от удовольствия, наверно. – Сил нет! Не могу языком ворочать!

Парилка меня расслабила, и только там я поняла, как замоталась за целый месяц своей практики, на жаре, без машины. Все мои друзья отдыхали, кто на море, кто на даче, а я топтала ножки по разбитым тротуарам нашего города.

Любезный папочка освободился от массажистки. Блестящий, сонный, он поцеловал жену в височек. И свита высыпала из парилки, и все подсели к нам, распаренные, красные... Запахло пивом, в тарелочки посыпались фисташки.

– Знаете, когда мне понравилась Сонечка? – обратилась к собранию донна Роза.

Никто не знал, конечно, но все учтиво улыбнулись.

– Утром. – Она сообщила: – После школьного выпускного. Я вышла в парк с собакой... Смотрю – она идет. Такая бедная, уставшая... на каблуках, в вечернем платье... Увидела меня, улыбнулась... И говорит таким печальным голосочком: «Здравствуйте»...

Да, мы столкнулись в парке рано утром. В то время в нашем городишке не было ни одного такси, и я тащилась домой, уставшая от танцев и каблуков. Друг мой Зильберштейн в это время видел уже десятый сон. По совету старшего брата он выпил водки после шампанского. Потом собрался танцевать и где-то в прыжке на лету отключился. Он упал и подвернул ногу, его увезли домой, так что моя влюбленная подружка Вероника осталась без кавалера. А я весь вечер прокрутилась там с одним блондинчиком, и у решетки городского парка отправила его домой, сказала, что не нужно дальше провожать. Как сердце чувало, что встречу Розу Михалну.

– ...и так ты на меня посмотрела. – Она закручивала. – Спокойно... Естественно... А глаза у тебя были грустные-грустные!.. Вот после этого взгляда я тебя и полюбила.

Среди свекровей иногда встречаются сердечные женщины. То есть те, которые переживают всем сердцем за счастье сына и его семьи. Но очень часто в эту же категорию примазываются обычные истерички с повышенным уровнем тревожности. Мы по ошибке считаем сердечной женщиной неврастеничку, которая хватается за сердце, чуть только дунет ветерок. И в то же время упрекаем конструктивную даму в отсутствии сердца всего лишь потому, что она не играет с нами в «сю-сю». Легко запутаться. Сердечность и сентиментальную истерию разделяет тонкая грань, но отличить одно от другого можно. По плодам. За искренним сочувствием, за натуральной сердечностью всегда следует жест доброй воли, а от сентиментальной истерии не остается ничего, кроме грязных носовых платков.

Я чуть было не бросилась к ней на шею. «Мама! Ты нашлась!» Но что-то мне подсказывало: «Детка, успокойся, тебя тут вовсе не хотят удочерить». Обычное дело, Роза Михална своими любезностями ставила в ступор полгорода.

В чем загвоздка? Может быть, просто маска мешала? Роза сидела с кофейной маской, поэтому лицо у нее оставалось непроницаемым. Мимика была очень сдержанной, и невозможно было отследить эмоцию, подтверждающую слова. «Как хорошо, что ты к нам заглянула». Это она выдавала губами. А глаза предупреждали: «Держи дистанцию, коза, держи дистанцию». Я слушала и улыбалась, как барашек перед дорожным указателем. Куда выруливать? Не знаю, проще всего ответить мадам в ее же собственной манере.

– А я вас...

Язык не повернулся сказать так просто «полюбила», я девушка закомплексованная.

– ...я вас первый раз увидела тоже в нашем парке! Мы пришли с подружками, на лодочках кататься, и смотрим – по аллее идет красивая женщина в красном платье, и у нее на поводке огромная черная собака... О, это было явление Христа

народу! Мы потом все помешались на «водолазах»...

– Красное платье! – улыбнулся мой будущий свекор. – Это красное платье не раз спасало наш питомник.

– Да, деточка, – кивнула Роза. – Ты знаешь, иногда приходилось выводить на ринг не самых лучших собак, но благодаря красному платью мы всегда получали первые места.

– Блондинка в красном! – аплодировала свита. – Да еще с огромной черной собакой!

Антон все это слушал молча, он давно изучил дипломатические приемчики своей матери. Он просто ждал, когда мероприятие закончится и мы спокойно сможем поболтать. Поэтому и после баньки меня не отпустили, а снова привезли в зеленый домик немножко кое-чем перекусить.

6. Чужой монастырь

Знакомство с новой семьей – это экскурсия в экзотическую страну. Изучайте обычаи, дегустируйте кухню, фотографируйте достопримечательности и улыбайтесь, улыбайтесь, улыбайтесь.

На плите в большой чугунной кастрюле разогревалась тушеная фасоль. Роза Михална положила мне половник и объявила:

– Лобио.

У нас в городе никто и знать не знал, что такое лобио. Все ели за милую душу простую белую фасоль. Но только не Роза Михална.

Моя свекровь – мастер презентаций. Она всегда готовит только фирменные блюда. Вы в жизни не дождетесь от нее макарон по-флотски, из тех же самых ингредиентов она готовит исключительно лагман. Могу предположить, что

модные названия Роза Михална подсматривала из кроссвордов, которыми всегда любила развлекаться. «Блюдо из фасоли, пять букв», – где-то она заметила и тут же придумала рецептик. А вы смотрите сами, что звучит вкуснее – «лобио» или тупая пассивная «фасоль».

Мне, в общем, было все равно, фасоль или лоблио, весь день я бегала голодная, и после бани у меня проснулся волчий аппетит.

Допустим, вам досталась щедрая свекровь. Не спешите радоваться. А то получится, как у одной моей знакомой. Она снабжала с радостью единственного сына деньгами, содержала его жену и детей. А мальчик радовался жизни, заводил романы, путешествовал, влезал в долги, убегал от долгов... Искал себя, что называется. Когда ему исполнилось сорок, он попал в наркологическую клинику. И это не случайно. Если взрослый мужчина принимает деньги своей матери как должное – он не в порядке. К сожалению, деньги от доброй свекрови очень часто усугубляют течение болезни или как минимум мешают ее заметить на ранней стадии. Повторю еще раз свой любимый тезис – мужчина должен быть голодным. Ведь не на благо, не на благо уходят мамочкины денежки!

Как выяснилось позже, легендарная Роза не любит людей, которые отказываются от совместной трапезы. Она считает, что если человек не садится с вами за стол, значит, он вам не доверяет. Насчет красавиц, которых время от времени приводили в дом ее сыновья, у Розы было одно интересное наблюдение. Если девушка села вместе со всеми и рубанула, как человек – значит, все у нее в жизни будет хорошо, пусть даже и не с вашим сыном. А если начала рассказывать вам про свою диету – все, клиент не наш.

И вот теперь представьте, какая заплетается косичка. Я сижу, жую фасольку, и мало того что это не фасоль, а лоблио, так это еще и не просто лоблио, а тест, тест на совместимость мимоходом устроила Роза Михална. А я, в свою очередь, – в это же время за тем же столом проводила сканирование. Я делала скан на домашние вирусы. Кстати сказать, будущим невесткам очень полезно поужинать с потенциальными родственниками. Стол – это, конечно, не постель, где человека можно раскусить минут за десять-пятнадцать, но кое-что интересное совместная трапеза позволяет заметить.

Ужин собрали на скорую руку. Колбаска там какая-то осталась, сырку кусочек завалялся, яиц сварили, огурец порезали... Мероприятие было не парадное, но тем и легче обнаружить вирусы, которые в торжественной обстановке не всегда увидишь.

Все устали, проголодались и потому жевали молча, активно, серьезно, уткнувшись в свои тарелки. Я прямо даже захотела позвать фотографа из нашей редакции и отпечатать все семейство на плакат – «Когда я ем, я глух и нем».

И никого не парила густая тишина, и это легкое напряжение, которое частенько возникает, если за столом появляется новый человек. Никто и не подумал меня интегрировать ни словом, ни взглядом – все жевали. Я не хотела никому мешать пустыми разговорами, но все равно нечаянно вырвалось:

– Какая вкусная фасолька!

Все на меня уставились, как будто я сказала фразу на китайском языке.

– Какая фасолька? – Роза Михална наморщила лоб.

– Ой! Лобио! – Я тут же исправилась. – Лобио, конечно... что я говорю...

Антон жевал, как все, энергично и молча, с задумчивым спокойным видом, но коленка у него под столом дергалась. Коленка у него плясала просто! Он взял пакет молока, поболтал его, проверил, сколько там осталось. Немного, полстакана он себе налил.

– Нет, нет! – Роза Михална потянулась рукой через стол. – Молоко осталось для мамы.

Прикиньте, до чего я мелочна, я помню даже эти полстакана! Мой антивирус тут же отследил это несчастное пастеризованное молоко, которое Роза конфисковала у сына и с удовольствием выпила. Нет, я не инспектор санэпидстанции, просто людям свойственно замечать все то, что выбивается из орнамента наших обычных представлений.

В моей семье последние куски всегда доставались детям, и это меня не испортило, со временем я научилась отказываться от последних кусков. Сейчас расскажу, как это вышло.

Однажды моя мама отвалила последние деньги на мои джинсы. А розовую кофточку, которая ей понравилась, пришлось оставить до лучших времен. И вот вернулась я домой, надела эти штанишки, и так мне стало вдруг противно... Мне сразу расхотелось эти джинсы носить. Я сидела в своей комнате, как Буратино, когда он закопал пять золотых и ждал, когда у него вырастет волшебное дерево с монетами. «Вот вырасту большая, заработаю кучу денег и куплю своей маме сто розовых кофточек». Так я себя успокаивала.

Наверное, меня воспитывали неправильно. Я наблюдала удивленно, как Роза попивает молочко, и не могла понять: «Неужели ей вкусно?» Нормально ей было. Ни холодно ни жарко. Ее рациональный мозг умеет отсекаать деструктивные сантименты. Я даже выделю сейчас курсивом главный принцип легендарной Розы:

Мужчину, в том числе и сына, нужно держать в черном теле, баловать женщина должна себя.

Мудрейшая Роза дрессировала детей своими методами. «Все лучшее – для мамы! И ручки тянуть не смей!» – такой подход вполне нормален для воспитания мужчины. Да, потому что мальчик должен помнить про родную мать! И вообще... Мужу полезно быть голодным, а то он быстро превратится из волка в поросенка.

В общем, допила Роза Михална свое молоко, вытерла губы салфеткой... Салфеточки всегда лежали на столе – даже когда не было хлеба, салфеточки лежали.

– Все, надо ехать. – Она сказала мужу. И обратилась к нам: – Мы к бабушке, а вы тут отдыхайте... Приятного вам вечера. Собачек не забудьте покормить.

Мы с Антоном вышли закрыть калитку. Роза водружилась на переднее сиденье новой высокой машины. В грузовую «газельку» она взошла как королева на трон. Поставила в ноги горшок с хризантемой, удобно разместила на коленях большой пакет с бельем на стирку. И помахала мне ручкой:

– До встречи, дорогая...

А папочка любезный посмотрел внимательно в мою открытую распаренную душу... Тогда я блузочки любила с широким вырезом. Он заглянул – и голову так набок осторожно наклонил.

– Вы там поаккуратней... – Это он сыну сказал. – Поаккуратней.

Ха! Ха! Ха!

Антон открыл вольеры и выпустил собак. Меня окружила толпа черных пушистых крокодилов. Эти слоны толкались, лезли ко мне носами, слюнявили юбку, а я на них кричала:

– Поаккуратней там!.. Поаккуратней!

Кока, тот самый главный мачо, полез ко мне обниматься. Он сбил меня в траву своей пушистой тушей, и Антон его шлепнул по толстому задку:

– Фу, Кока! Поаккуратней, сволочь! Поаккуратней!

7. Зеленый домик

В хорошем доме всегда есть две вещи: история и покой, поэтому там обязательно захочется остаться.

Был вечер, теплый и спокойный. Мы сели пить чай за летним столиком под молодыми яблонями. В зарослях мерцали маленькие стеклянные фонарики, Роза Михална их воткнула по клумбам и уехала, мировая мама. И дом, и сад остались в нашем полном распоряжении. В тот вечер я была там королевой, и все вокруг было моим.

Все собаки в этот вечер были моими. Они столпились у решетки, подняли уши и виляли пушистыми хвостами. Собаки следили за Антоном, они поворачивались всей толпой за каждым его движением. Он взял со стула из кучи тряпок что-то первое попавшееся, и собаки наклонили морды, они узнали хозяйкину куртку. Антон накинул куртку мне на плечи, собаки передернули ушами. Он придвинул свое кресло ближе, и собаки прижались теснее к решетке. Они наблюдали, как Антон берет мою ладонь и шутливо, как щенок, кусает пальцы.

В кухне засвистел чайник. Антон улыбнулся совершенно не по-дружески, а мягче, гораздо мягче, в его улыбке не было никаких острых углов.

– Сейчас поищем... – он замыкал, – чем тебя побаловать...

У мамы в шкафчике нашлись овсяное печенье с миндалем в красивой жестяной коробке и рюмочка молочного ликера из черной толстенькой бутылки. Водка со сгущенкой – вот вам и «Бейлис», до этого додумалась только Роза, но мамин барчик, уж простите, в тот вечер тоже был моим.

Я вынесла к столу две горячие чашки, и мы неспешно тянули чай. В тишине. Антон – единственный мужчина, с которым я молчу. Молчу я только в состоянии покоя или сна, а разговаривать обычно начинаю от возбуждения или на нервной почве. С Антоном мне всегда было очень спокойно. И нет, не скучно, разве можно скучать в вечернем саду после трудного дня? Разговаривать было не обязательно, мы знали друг о друге все, что нужно, и совершенно не хотелось забивать эфир какой-то лишней информацией. Сидим, пьем чай и дышим остывающей землей.

В тот вечер сад был мой, мой и Антона. Это была наша земля, а своей землей дышать приятно, своя земля дает покой и силу, поэтому все за нее так воют. Мне этого как раз и не хватало, всю жизнь мне не хватало уверенности, а тут я встала босиком на траву – и не осталось никаких сомнений, как будто мне из-под земли шепнули: «Мадемуазель, сидите тихо, все будет хорошо».

С глухим ударом упала в траву тяжелая груша. Собаки наострили уши: «Где? Где? Где?» Я подняла ее и прямо так, невымытую, откусила...

Грушам в этом саду было сто с лишним лет. Но черт его знает, почему мне казалось, что все они тоже мои. Первый урожай эти груши давали тем людям,

которых мы сегодня знаем только по старинным фотографиям. Купец Семенов выписал из Австрии саженцы Гигантского Бергамота, а Роза Михална из них варила... Нет, не варенье, варенье сварит любая двоечница, легендарная Роза закрывала в маленькие баночки конфитюр.

Стоп... Кто такой купец Семенов, вы меня спросили. Я объясню, сейчас будет историческая справка.

Сто лет назад зеленый домик был всего лишь флигелем, флигель для прислуги купца Семенова – вот его первое назначение. Хозяйский особняк стоит в конце квартала, через забор. Но раньше, до тысяча девятьсот семнадцатого года, никаких заборов тут не было, и целый квартал занимал один нормальный сад. Он принадлежал купцу Семенову, его жене и детям. Детей было трое, два сына и дочь.

Мертвая свекровь – мечта наивных женщин. Знала я одну наивную, она взяла и вышла замуж за мужчину, у которого умерла мама. Девушка была уверена, что со свекровью у нее проблем не будет, но оказалось, что даже мертвая свекровь способна хоть из-под земли достать свою невестку. Мужчина свою жену постоянно сравнивал с покойной мамой. Мама была умнее, мама лучше готовила, мама больше любила и прочее. Приблизиться к идеалу невестка так и не смогла, связь мужа с его покойной матерью оказалась настолько сильной, что для живой жены в его душе не нашлось достойного места. И ничего удивительного. Невесткам надо помнить – мама никогда не умирает, а значит, каждая свекровь – бессмертна. Как Феникс или Кощей.

Хочу успокоить всех, кто не любит купцов, – этот был хороший. Он не жадничал и денежки на просвещение народа отстегивал регулярно. Всю жизнь он собирал книги и купил специально для своей библиотеки отдельный дом на центральной улице.

А что такое в те времена была библиотека? Вторую половину девятнадцатого века я имею в виду. В библиотеке было все: и книги, и литературные чтения, и карты, преферанс предпочитали молодые либералы, и чай, и шампанское, и рояль, и театральные постановки, и картины местных художников, и запрещенные газеты, и воззвания к народу, и прокламации тоже были там.

Купец Семенов, как сердцем чуял, еще до революции подарил свою библиотеку городу. С одним условием: чтобы дочка работала там заведующей. За это у нас в городке его прозвали идеалистом-просветителем. А он и был идеалистом. Он верил, что скоро в России все станут образованными и люди естественным путем начнут добреть, ибо человек культурный не полезет с вилами на соседа. Купец Семенов умер в тысяча девятьсот пятнадцатом и, к счастью, не узнал, что стало дальше с его библиотекой и с его детьми.

Все вышло по стандартной схеме. Книжки сожгли. Освободили полки для новой литературы. Здание наци-она-лизировали. Трудное слово, никогда не могу его выговорить. Дом в саду превратили в коммуналку. Сейчас его сносят, наш новый мэр прива-тизи-рует лучшие участки. Сад порезали на куски и отдали под частную застройку. Сыновей купца арестовали. Старшего расстреляли сразу, младшему дали двадцать пять лет. А дочку не тронули. Она всю жизнь так и работала заведующей библиотекой. Заведующая, так ее все и звали, не вспоминая происхождение.

Библиотека дожила до наших дней. Конечно, книжки там уже другие, но здание сохранилось – это и сейчас единственная в нашем городе детская библиотека. Я, маленькая, приходила туда регулярно, останавливалась у крыльца и читала мемориальную табличку: «Здание было передано в дар родному городу купцом-просветителем...» Дальше фамилия и годы. Позапрошлый век. Все было так давно, что кажется неправдой. Не знаю, почему я останавливалась и читала эту табличку. Не меньше сотни раз ее перечитала, как будто это сообщение оставили специально для меня.

Когда немножко полегчало и стало можно говорить о купцах-просветителях, в библиотеке повесили портрет Семенова. Его приколотили в фойе рядом с ленинским портретом. Потом Ленина сняли, а наш пока еще висит. Наш говорю, потому что теперь мы родственники, купец Семенов приходится моему мужу прапрадедом.

А я всегда смеялась над этим купчишкой в сюртучке. Как прихожу за книжкой – так на портрет смотрю и думаю: «Ах ты, морда крестьянская! Ведь только в люди выбился – и сразу книжки ему подавай!»

Я просто так разглядывала портрет, из любопытства. Он мне казался похожим на театральную афишу, потому что слишком много там было характерных деталей. Борода клинышком, сюртук – явно тесноватый, лоб крестьянский,

упрямый, как у бычка, нос, русский нос картошкой. И цепь, конечно, золотая. Цепь от часов свешивалась из кармана... А самое прикольное – проборчик. Пробор купеческий, как на советских карикатурах, меня смешил невероятно! К тому же вот в жизни я бы не подумала, и в страшном сне мне не могло присниться, что у моего сына будет такой же крестьянский шнобель! А вот на тебе – точно такой же, как у купца...

Заведующая библиотекой потомства не оставила, но вырастила дочку старшего брата, бабушку моего мужа. Вот тут они и жили, в зеленом домике. И от него после уплотнения осталась только половина, но достался кусочек сада, и в нем сохранились Гигантские Бергамоты. Все соседи срубили старые груши, а заведующая свои берегла. И фотографии семейные она сохранила, и кресло из отцовского кабинета, и даже черный рояль перетащила из библиотеки в зеленый домик. До сих пор никто не знает, как она его всунула в маленькую гостиную. Рояль несколько раз пытались вынести, снимали ножки, но он не проходил ни в одну дверь. Так и остался в доме.

Антон поднял крышку этого самого рояля под названием «Блитнер», припоминая, чему его учили в музыкальной школе. Он осторожно изобразил первую фразу из «Лунной сонаты»... Это была шутка, конечно. Романтический репертуар не для нас. И пульса учащенного я не припоминая, и голова не кружилась, и сумерки в саду, и светлячки, и бабочки под фонарями – все это были просто светлячки и бабочки, а вовсе не иллюстрация к романтической сказке. Я была спокойна, я нигде себя не чувствовала так спокойно, как в этом старом доме с паровым отоплением.

Антон улыбнулся и сбацал «Цыганочку». А я опять расхохоталась – мне вдруг с чего-то показалось, что и черный рояль тоже мой. Я покрутила юбкой и села в кресло – в то самое, что сохранилось от купца. Лак облупился, кожа потерлась, этому креслу было лет двести. Купец, должно быть, иногда в нем отдыхал. Сидел себе, покуривал сигару... Я качнулась пару раз, даже не подозревая, что кресло волшебное. Чуть позже наш папочка любезный рассказал, что как только он сел в это кресло, так сразу же его и примагнитило, и он сказал себе четко и ясно: «Все, больше я отсюда не уйду».

А я его прекрасно понимаю... Зеленый домик обладал особенной магией, он затягивал, как интересное кино. Там была история, а это всегда заметно. Какая-то фарфоровая вазочка, подсвечник медный, кружок лепнины на потолке – и вот уже можно свечу зажигать, и в кресле качаться, и придумывать сказки...

И я зажгла, и я качалась.

Уходить не хотелось. В этом доме хотелось раздеваться и кидать по углам свои вещи. Здесь всегда был легкий бардак, который меня успокаивает, я неуютно чувствую себя в стерильных помещениях. Я обожаю пыль и захламление, по которым безошибочно видно, что в доме активно идет интересная насыщенная жизнь, обожаю тут и там расставленные чашки с недопитым чаем, мягое постельное белье...

– Сончик? – Антон обнял мои коленки. – Ты остаешься?

Я посмотрела на часы. Было поздно, дома меня ждала мама. Я попросила телефон, хотела позвонить ей и предупредить, что задержусь. Антон принес мне аппарат, за которым тянулся перекрученный длинный шнур.

– Ты где? – спросила мама раздраженно.

– Да все в порядке, – говорю, – я у Антона в гостях.

– Двенадцать ночи! Ты вообще домой возвращаться собираешься?!

– Не собираюсь, – ответила я матери. – Все, больше я отсюда не уйду!

Я зависла в зеленом домике на весь август. Приходила к Антону сразу же после работы и пряталась у него от мира и всех его новостей. Антон кормил меня салатиком из фруктов и мороженого. Он резал ягоды, натирал крошку из овсяного печенья и шоколада и смешивал все это с пломбиром в маминой хрустальной вазочке. Целый месяц я уплетала мороженое, и у меня даже сомнений не было, что Антон тоже мой.

8. Заявление

Лучше, чем брак по залету, может быть только брак по расчету.

Наш город утонул в пыли. Газопровод строился. Одни траншеи закапывали, другие тут же раскапывали, и никуда не денешься – повсюду был песок, земля и глина. Вечером я прибежала из редакции в зеленый домик и первым делом направлялась отмывать свои ножки.

Антон тоже был грязный – то в песке, то в известке, то в краске, он помогал родителям на их вечных стройках. Мы становились рядом под садовый шланг, за день он прогревался, но теплая вода кончалась быстро, а из колодца шла такая ледяная, что невозможно было не визжать. Мы убегали греться в постель, под одеяло... И там мы вспоминали иногда, как папочка любезный говорил нам: «Поаккуратней... Поаккуратней».

Мы были очень неаккуратны. Презервативы использовали неправильно – мы надули из них воздушные шарик и отпустили в окно. Их немножко погоняло ветром по садочку, а потом они один за другим напоролась на острые ветки. Барьерная контрацепция нам не подошла, мы не хотели никаких барьеров. Тело просилось на волю – и, разумеется, каникулы закончились беременностью.

Да, девушки, вы верно догадались... Да, я вышла замуж по залету. И это лучше, чем по любви. Про любовь мы ничего не знали. Одни предположения и кое-что из курса русской литературы. В конце девяностых любовь была не в моде. Все наше поколение окунали носом в запоздавшую сексуальную революцию, поэтому мы не могли влюбиться, как наивные детишки – как наши мамы с папами, например.

Я всегда была обманщицей. Больше всего я врала самой себе и поэтому никогда себе не верила. Если бы я подошла к зеркалу и спросила: «Соньчик, ты любишь Антона?» О! Я бы тут же написала сочинение на пяти листах про великую любовь с цитатами из классиков Серебряного века. Антон был аналитиком, любовь для него означала список из пунктов. Примерно в следующем порядке: не убий, не укради, не прелюбодействуй, не завидуй... Никто из нас двоих не смог бы объяснить тогда, в те наши двадцать лет, что такое любовь и зачем в связи с ней жениться. Для любви ЗАГС не нужен, ЗАГС нужен для ребенка...

...так, извините. Сейчас проскочил большой абзац, и я совсем запуталась. Только что написала и теперь сама не понимаю, зачем ребенку ЗАГС? И если честно, я не очень помню, как мы решили пожениться. Ведь я же говорила: «Не обязательно, жениться нам не обязательно...» А он сказал: «Да нет, нам надо пожениться...» Сейчас я попытаюсь вспомнить, как было все на самом деле.

В сентябре мы уехали из нашего города учиться в университет, и сладкая жизнь в зеленом домике закончилась. Я вернулась в свое общежитие, в комнату с двумя подружками. Антон снимал с приятелем убогую квартиру на другом конце города. Весь сентябрь нам приходилось искать для свиданий свободное место – то у него, то у меня. При этом наши друзья, которые обычно шлялись неизвестно где, именно в тот момент, когда им лучше было бы исчезнуть, возвращались домой. А нам приходилось гулять за ручку, как пионерам по центральному проспекту.

В начале октября теплым солнечным денечком Антон дожидался меня возле нашей университетской библиотеки. Он сидел на скамейке у памятника Андрею Платонову, а я шагала от студенческой поликлиники, которая была неподалеку. В кармане у меня была бумажка с результатом УЗИ. В ней, как вы поняли, было написано – «беременность».

Настроение у меня было чудесное. День был солнечный. Платонов в каменном пальто сверкал своим черным гранитом. На проспекте закрутился зверский листопад, кленовые листья сыпались пачками, и это меня изрядно веселило. Я показала Антону документ и засмеялась:

Невесткой часто недовольны все поголовно родственники жениха. Улыбаются только те, кто получил приданое. Но и то недолго. А просто так порадоваться женщине новой, молодой и красивой, которая вам всем еще понарожает, повеселит вас от души и освежит вам ауру, просто так порадоваться невестке мало кто может. Почему? Потому что семья – это закрытая система, и каждый новый элемент ее либо меняет, либо ломает. Мы все боимся изменений, мы склонны в первую очередь видеть опасность в незнакомом явлении, а лишь потом перспективу. И что? А ничего. Так и будем сидеть по углам и бояться, лет десять бояться, пока не привыкнем друг к другу.

– Отец имеет право знать!

Бедный мальчик! Бедный худенький мальчик в джинсовой рубашке, она на нем просто болталась. И майка с черной собачьей мордой висела как на вешалке. Он был голодный после лекций и дрожал на ветру, потому что спешил ко мне и выскочил без куртки.

Антон усадил меня на дальнюю скамейку, за елочки, чтобы спокойно поцеловать, и сказал:

– Я рад. Теперь, как честный человек, я должен на тебе жениться.

А я расхохоталась и говорю ему:

– Не обязательно.

Именно так я ему и ответила, и попрошу, чтобы мои слова внесли в протокол.

– Не хочешь – не женись. – Так я говорила.

А он, конечно, сразу начал упираться. Мужчинам нравится все делать наоборот.

– Нет, я хочу! Я хочу на тебе жениться...

Мы отметили новость в «Милане», это было модное кафе-мороженое. Там подавали настоящий пломбир, а не эту кислотную муть из сахара и крашеной водички, которую недавно я случайно проглотила. Приличные студенты любили заглянуть в это кафе со стипендии. Но только не я. До свадьбы я не любила мороженое, мои свободные гроши улетали на водку и сигареты, так что с первых шагов мой муж наставлял меня на путь истинный.

Он заказал по сто пятьдесят грамм пломбира с сиропом из фейхоа и грецкими орехами (любимый рецепт мамы Розы) и говорит:

– Понимаю... Это всего лишь формальность... Но я должен сделать тебе предложение, это должно прозвучать... Сейчас... Я волнуюсь!

– Три-четыре! – помогла я ему.

– Соньчик! Выходи за меня замуж!

Вы видите, он сам это сказал, что я бы тоже попросила внести в протокол. А то вы знаете... Некоторые потом говорили за моей спиной всякие гадости.

Подружка Вероника не могла никак поверить в нашу свадьбу, ей все казалось, что это шутка, что школьные друзья не женятся... Она все думала, зачем, зачем же он на мне женился... А что тут думать? Мужчине, даже молодому, жениться выгодно.

Свадьба – это значит, что жить мы станем вместе, что у нас будет море секса и общие завтраки. Ревность, бессонные ночи, случайные половые партнеры, групповые попойки и прочие глупости остаются в прошлом. Мотивация возрастает многократно, настроение улучшается, производительность неуклонно поднимается. Антон это быстро смекнул и заказал еще по сто пятьдесят, теперь с лимоном и шоколадной глазурью.

– Куда ж так много? – говорю. – Антон?

– Эх, одна живем! – Он улыбался.

Я тогда еще не знала, что мой муж очень любит мороженое. Я думала, что это от волнения он умял полкилограмма, но нет, он вовсе не волновался. Залет он расценил как личное попадание в цель, отнюдь не все младенцы получают с первого раза, поэтому стремительное зачатие он посчитал верным признаком нашей совместимости.

Из кафе мы сразу поехали подавать заявление. Чиновница на нас смотрела удивленно, как будто в ЗАГС пришли не два студента, а два кота. Для регистрации она предложила ближайший свободный день, начало ноября.

– Нет, нет... Нам эта дата не подходит, – возразил Антон. – У меня конференция по менеджменту.

И следующая дата нам не подошла. Это был день рождения Левушки, старшего брата Антона.

– Вот и хорошо, – сказала чиновница, – совместите!

– Да нет, – Антон ответил, – такое лучше не совмещать.

– Тогда решайте сами!

Женщина всерьез начала беспокоиться, что наша свадьба сорвется. А все определилось просто. Антон взял меня за руку, точнее, за палец и ткнул с закрытыми глазами в решетку календаря. Выпало двадцать второе ноября. И вы представьте, оказалось, что и мои, и его родители женились именно в этот день.

Тогда как раз пошла эта новая мода – жениться в день влюбленных, четырнадцатого февраля. Народ надеялся, что эта цифра сослужит магическую службу. Но нет, никакой магии четырнадцатое февраля не имеет, статистика разводов тут ничем не отличается. А вот что касается двадцать второго ноября...

Двадцать второе ноября – роковой день для свадьбы. Если вы женитесь двадцать второго ноября, ваш брак будет длиться всю вашу жизнь, и даже если вам захочется через некоторое время развестись – не выйдет, две двойки одиннадцатого месяца имеют страшное свойство удерживать пару в одной упряжке. Так было у родителей Антона. Он сообщил: «Мои родители всегда были вместе, как Маркс и Энгельс. Я никогда не думал, что может быть по-другому». По-другому было у моих родителей. Они всю жизнь друг другу обещали подать на развод, но так никто из них и не решился. Потом отец мой впал в депрессию и умер, погиб случайно при пожаре, но так и остался женатым человеком. Поэтому раз десять подумайте, прежде чем назначить свадьбу на двадцать второе ноября. А то вот так влезете в семью без парашюта...

День был назначен, и только тогда я сообразила, что свадьба – отнюдь не наше частное дело и что теперь придется сообщить эту новость родителям.

С моей мамой все было ясно – она давно была не против пристроить в добрые руки свою буренку. Ее реакцию я легко прогнозировала – сначала закричит по привычке: «Что ж так рано? Двадцать лет! Тебе еще учиться...» Потом сообразит, что дочь беременна и волновать ее нельзя, утихнет и начнет обзванивать подружек. «Моя-то! Замуж собралась! А ничего не рано! А то еще начнет перебирать... Жених? Да Розы сын... Той самой, Розы Михалны... Да ничего уж, как-нибудь, она с ней справится...» И тут же крикнет мне: «Сонька! Тебе тетя Ира привет передает». И трубочку мне сунет, а там тетя Ира или тетя Маша непременно скажет: «Сонька! Ты смотри там, с этой Розой! В обиду себя не давай!»

В общем, с мамой невесты всегда все ясно, а с будущей свекровью возможны варианты. Поэтому я и спросила у Антона:

– А как твоя? Она не грохнется случайно?

– Не грохнется, – заверил Антон.

И объяснил доходчиво:

– Моей маме все дрозды до звезды.

9. Благословение

Все чужое и новое часто кажется плохим, особенно если речь идет о невестке.

В путешествии по экзотическим странам никто не удивляется сушеным кузнечикам, но если вдруг невестка приготовит жареного таракана...

То-то шуму будет, то-то шуму!

Родители моего мужа по поводу возможной свадьбы просили сына только об одном:

– Предупреди за месяц, будь другом. А то мы не успеем подготовиться...

У них был договор – никаких возражений на тему невесты. «Пусть хоть на крокодиле женится, – они решили, – мы не будем против».

Такая толерантность возникла не случайно, а потому что сами они получили многочисленные протесты против своего союза и свекор мой потратил море нервных клеток, когда воевал со своими родителями за право жениться на любимой женщине.

Дело в том, что легендарная Роза Михална была сомнительной невестой. Во-первых, на десять лет старше жениха. А во-вторых, у нее был ребенок от первого брака. К тому же она была учительницей нашего любезного папочки – в

старших классах он занимался у нее в фотокружке. В шестнадцать лет серьезный мальчик влюбился в молодую красивую учительницу. В десятом классе он попал в зеленый домик, сел в волшебное кресло – и все, с тех пор они вместе.

Сегодня из таких раскладов сенсацию не сделаешь. Ну... старше женщина, теперь это даже модно. А что там десять лет? Кого такое удивляет после Аллы Пугачевой? В разводе дама – тоже плюс. Невеста с опытом – это вариант получше, чем перезрелые кобылки, которые сидят в обнимку с чистым паспортом. Ребенок? Тоже хорошо, здорова, значит, девушка. Свадьба учительницы с учеником? Подумаешь... В наши дни об этом даже неинтересно разговаривать, но в конце семидесятых, при Леониде Ильиче, когда вся русская провинция шагала строем дружно в ногу... Это был настоящий фурор в нашем маленьком тихом городке.

«Разврат в советской школе!» – такой была повестка дня на секретном, обратите внимание, заседании райкома партии. Легендарную Розу вызывали туда на ковер. Она надела красное платье и пошла в эту серую крепость с бронзовым Ильичом.

– Нам поступил сигнал, – сказал ей секретарь.

Он выкатил глаза на красивую женщину совсем не так, как требовала служба:

Среди невесток попадают хорошие. Они стараются свекрови угодить, всегда ей помогают, называют мамой, слушают советы... Они настолько хороши, что готовы отдать свекрови все свое сердце. Зря стараются. Нормальная свекровь в донорских органах не нуждается. От невестки ей нужно только одно, чтобы та соблюдала один-единственный принцип: «Не напрягай!»

– Вы знаете, что вам паяют? Инкриминируют. Сейчас бы он сказал «инкриминируют», но тогда говорили «паяют». Секретарь поправил галстук и предъявил:

– Вам паяют связь с учеником вашей школы! Вас обвиняют в соведении несовершеннолетних!

Ах, боже мой... Какая новость! Роза Михална прекрасно знала, от кого пришел сигнал. От Деда нашего, который сделал запоздавший свой звоночек соратникам по партии. Накануне этого сигнала Бабуля, свекровь моей свекрови, пробравшись ночью к зеленому домику, расколотила там все окна. Побила окна и сбежала по старой, как говорится, народной традиции.

– Ведь вы же учитель! – давил секретарь. – Вы – советский гражданин! Член комсомола! Мать! – Он имел в виду «Ведь вы же мать!» – Как вы можете объяснить свое аморальное поведение?

Ох, что там объяснять-то... На тот момент отцу моего мужа, слава богу, исполнилось двадцать, с жалобой в райком Деда немножко опоздали, поэтому моя свекровь была невозмутима. Непроницаемая маска, как обычно, была у нее на лице.

– Во-первых, – она ответила, – он уже не мой ученик. А во-вторых...

Роза Михална открыла сумочку и вытащила свидетельство о регистрации брака.

– ...а во-вторых, он – мой муж.

Инцидент был исчерпан. Сорок лет назад в красном поясе России за железным занавесом секретарь райкома партии закрыл это дело. Bravo! Bravo, господин секретарь! Молодая красивая Роза улыбнулась ему и потопала в зеленый домик, там ждал ее стекольщик, нужно было вставлять новые окна.

А в это же самое время молодой муж легендарной Розы, наш любезный папочка, тоже был вызван на ковер к своим же собственным родителям. Он героически отстаивал свое право на любовь, и пришлось ему нелегко.

– Что вы имеете лично против Розы? – Это он спрашивал в сотый раз.

– Лично против Розы ничего не имеем, – отвечал ему Дед.

– Тогда в чем дело?

– Десять лет! – стонала бабушка. – Она же старше на десять лет! Что люди скажут?

– С ребенком! – доведивал Дед.

– Десять лет! Ведь десять лет! – колотилась Бабуля. – Что люди скажут?!

И эта песня длилась бесконечно, круг за кругом повторялся утомительный припев: «Десять лет и ребенок! Десять лет и ребенок! Чужой ребенок и десять лет! Позор! Что люди скажут? Ребенок! Десять лет!»

– А если бы не десять лет? – спросил наш утомленный папочка. – Если бы не десять лет, а только ребенок? Что тогда?

Мой свекор не просто так задал этот вопрос. В те времена такая естественная вещь, как ребенок, а детям, в общем, свойственно рождаться у молодых здоровых женщин, так вот ребенок от другого брака воспринимался как большая профнагрузка. «Он взял ее с ребенком» – так раньше говорили, как будто новый муж оказал великую милость какой-нибудь бездомной кошке. Поэтому наш папочка любезный об этом и спросил, он жонглировал аргументами, как гирьками на весах.

– Если бы не десять лет, – ответил Дед, – то даже ребенок!

– Даже ребенок! – заплакала Бабуля.

– Даже ребенок... – Мой свекор схватил табуретку.

Тяжелую деревянную табуретку он поднял и замахнулся в ближайшее окно. Крыть ему было нечем. Десять лет никуда не исчезнут, ребенка не снимешь с весов. И чтобы поставить точку в этом вопросе, он сказал совершенно фантастическую вещь. В первый и, кстати, единственный раз в жизни он зарычал на своих родителей, как разъяренный тигр.

– Еще хоть слово против Розы скажете – все окна вам повыбиваю!

Ребенок, десять лет и табуретка. Какая связь, при чем тут окна? Но представляете, подействовало! В абсурдных спорах абсурдный аргумент бывает очень кстати.

Бабуля тут же зарыдала, Дед зарычал в ответ: «Да как ты смеешь! Это наши окна!» Как будто стекла представляли невероятную ценность и как будто сами они не далее как наемдни не колотили окна в зеленом домике.

Табуретка всех испугала. Послушный мальчик, которым был наш папочка, доказал серьезность намерений, и родители прекратили спорить. Чуть позже, как говорится, задним числом, мой свекор признался, что табуреткой метил в то окно, что выходило во двор, не на улицу. Даже в порыве гнева над ним висела установка – все должно быть прилично.

И тем не менее наши победили. Родители моего свекра смирились с Розой до такой степени, что Дед согласился нанести визит своей невестке.

Надел костюм – директорский костюм, в котором он командовал на нашем литейном заводе, завел свою «Победу» и с той же самой кирпичной мордой, с которой заседал на партийных совещаниях, прикатил к зеленому домику.

Открыл калитку – и ему под ноги метнулась собачонка. Обычная дворняжка жила тогда у Розы. Дед чем-то не понравился собаке, и она на него развизжалась. Дед опустил ногу, занесенную уже для перехода границы, и процедил сурово:

– Уберите кобеля.

И тут же все соседки, которые, прильнувши к дырочкам в заборах, следили за трансляцией, разнесли по городу: «Уберите кобеля! Уберите кобеля!»

Мудрейшая Роза тоже это запомнила. Она, конечно, не ждала сердечной встречи. «Здравствуй, Роза, дорогая! Рад видеть страшно!» – на это она не надеялась. «Не бойтесь, папа, она вас не укусит, спасибо, что пришли» – этого всего не прозвучало.

Бабуля вытирала слезы, Дед хмурился, Роза улыбалась своей уже тогда поставленной дипломатической улыбкой. Скулила собачонка, пришпоренная каблуком, и свекор мой любезный бормотал задумчиво, выстукивая пальцами на беленькой скатерке: «Уберите кобеля, уберите кобеля...»

Несмотря на черные прогнозы сторонников традиционного патриархата, у родителей Антона все сложилось удачно. И несчастные десять лет никакой роли не сыграли. Наши провинциальные клюшки пророчили Розе старость, болезни, измены мужа с молодыми девками, но ничего подобного, к их огорчению, не случилось.

Сейчас мы с Розой только что из баньки, опрокинули на голову ведро ледяной воды и, как обычно, мажем масочки на морды. Я заварила травяной чаек и разливаю по большим стеклянным чашкам. Роза Михална подает мне ложечку и методично объясняет:

– В стакан с кипятком нужно ставить железную ложку, чтоб не треснул.

– А знаете, Роза Михална, – я ей говорю, – у меня появился новый знакомый. Врач-косметолог. Он делает такие интересные укольчики... Витамины и чего-то там еще такое с кислотой... для тонуса...

– Угу, угу, – кивает она, растирая по лицу густую зеленую массу.

– А может, мотанем к нему и наширяемся?

Роза на меня посмотрела, как на картежницу, которая продулась.

– Детка... – Она усмехнулась. – Зачем?

Да, правда, зачем? Косметолог донне Розе не нужен. Донне Розе нужна новая кухня. Она опять затеяла ремонт. Но не в зеленом домике, а здесь, на своей новой фазенде.

Свою усадьбу на берегу реки она устроила элементарно. Купила по дешевке землю и домик, который раньше принадлежал родителям нашего грозного Деда. Родовое гнездо она перестроила, нагородила этажей, а Дед к ней наезжает по

великим праздникам, теперь он гость в той самой маленькой деревне, где в детстве бегал босиком. Сегодня он тоже приехал, вместе с Бабулей, и старушка, несмотря на букет смертельных болезней, с большим аппетитом дегустирует кухню легендарной невестки.

Вот я сейчас подумала, а для чего?.. Для чего же тогда были все эти вопли? И почему мой свекор так хотел, чтобы его выбор был принят родителями? Зачем? Ведь он не собирался приводить жену в их дом. Зачем вообще нам непременно нужно родительское благословение? Не знаю даже... Но, полагаю, все дело в том, что наша связь с родителями настолько сильна, что их неприятие нашего выбора, нашего образа жизни, жен и мужей эту связь разрывает. Разрыв – это больно, это портит наше личное счастье.

Мне папочка наш любезный сказал однажды, когда мы снова вспомнили про окна и про табуретку:

– Они тогда мне столько нервов потрепали... Лет пять моей жизни они у меня точно забрали своими истериками.

Не зря, не зря он пролил кровь. Благодаря всем этим предысториям нам с Антоном за свой выбор сражаться не пришлось.

...Роза Михална была спокойна. Я у нее была не первой невесткой, а третьей. Старший сын ее, Лева, был дважды женат, так что на невестках Роза Михална собаку съела. Моя кандидатура прошла в семье единогласно. Против был только один голос, который, впрочем, ничего не решал.

– Жениться в двадцать лет! – раздался голос. – Да ты с ума сошел! И по залету! Ты что, стеснялся покупать презервативы? Она же специально все подстроила! А ты теперь хомут на шею надеваешь! Ты подожди жениться, встань сначала на ноги! Вы можете пожить гражданским браком, просто так... А ей скажи, пусть сделает аборт. Вот предложи ей этот вариант и заодно посмотришь, как она отреагирует.

Кто это говорил? Может быть, это сказал мясник с нашего рынка? Или охранник из нашей тюрьмы? Или патологоанатом из нашего морга? Нет, ни за что не догадаетесь. Это сказала русская женщина, блондинка, спортсменка, у которой тоже, кстати, была дочь. Злой колдуньей оказалась вторая жена старшего

брата. А я и знать не знала про этот черный спич, Антон мне рассказал о нем намного позже, когда вторая теперь уже экс-невестка Розы приехала в наш дом.

Оказалось, что ее дочка, которой едва исполнилось девятнадцать, выходит замуж, и поэтому Вторая экс приехала попросить мою машину для свадебного кортежа.

Я запустила женщину в гараж, она там сразу начала лепить на мой капот золотые сердечки, сначала попросила степлер, потом ножницы...

– Единственную дочку замуж отдаю! – похвасталась Вторая экс. – Волнуюсь дико!

– Не рановато? – спрашиваю. – Замуж в девятнадцать?

– Нормально, – говорит. – Пацан хороший ей попался. Чего ушами хлопать? Зашибон его – и в ЗАГС! Этих сволочей надо брать тепленькими, пока они еще не истрепались, не обнаглели, не зажрались, не забухали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/divickaya_sonya/dnevnik-nevestki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)